

К. Н. БАТЮШКОВЪ.

р. 1788 ум. 1854 г.

Письма его къ Гнѣдичу.

(Сообщены П. А. Ефремовымъ).

V*).

(Финляндія. 1 ноября, 1806).

Я прїѣхалъ благополучно, но по прїѣздѣ сдѣлался боленъ и семь дней лежалъ въ лихорадкѣ; чудомъ вылѣченъ. Тревога, а у меня шпанская мушка на шеѣ; срываю и бѣгу. Мы имѣли двѣ большія сшибки, въ первой много потеряли и князь Долгорукой**), въ сожалѣнію солдатъ, убитъ; а вторая была ночью 30 октября, т. е. третьяго дня. Шведы въ прахъ разбиты; они забрались даже въ нашъ лагерь, но прогнаны съ великимъ урономъ. Я, въ несчастію, оставался въ резервѣ. Петинъ***) раненъ, сходи къ нему, когда услышишь о его прїѣздѣ въ Питеръ, также и Делагардъ****) раненъ, впрочемъ егери мало потеряли, а дрались хорошо; вотъ всѣ наши новости. Здѣсь все найти можно; пришли съ этимъ курьеромъ табуку турецкаго, чулокъ теплыхъ, перчатки теплыя и кенъги. Да еще закажи хорошему портному гусарскій жилетъ темно-зеленый, это меня

*) См. «Русскую Старину» т. I, изд. перв., стр. 65—71; изд. втор. стр. 549—554. Примѣчанія къ издаваемымъ нами письмамъ К. Н. Батюшкова принадлежатъ П. А. Ефремову.
Ред.

**) Кн. Мих. Петров. (1780—1808), генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ. О немъ см. «Сказаніе о родѣ кн. Долгорукихъ» стр. 136—137. Спб. 1840.

***) Ив. Александр. Петинъ былъ тогда поручикомъ 1-гв. егерскаго полка, въ которомъ и В. былъ прапорщикомъ. Подробности о Петинѣ сообщены Батюшковымъ въ статьѣ «Воспоминаніе мѣсть, сраженій и путешествій». (Москвитянинъ 1861, № 5).

****) Августъ Осиповичъ де-ла-Гардъ былъ шт.-капит. въ томъ-же полку.

ужасно обрадуетъ. Полковникъ *) меня безъ души любитъ; ходитъ за мной, какъ за сыномъ. Что дѣлаютъ мои сестрица? Пиши, мой другъ, онѣ меня беспокоятъ. Получилъ ли Абрамъ Ильичъ **) деньги; кланяйся ему и поцѣлуй его дѣточекъ. Я не пишу, потому что разстроены послѣ сраженія. Надѣюсь совершенно на отставку. Полковникъ общается ея выхлопотать, но теперь могу (ли), не бывъ ни въ одномъ дѣлѣ, приступить къ сему? Мнѣ не нужно говорить тебѣ, другъ мой, что я тебя люблю. Дай Богъ, чтобъ ты не переѣхался. Пиши ко мнѣ съ этимъ курьеромъ, исполни мои комиссія, особливо жилеть, да и обувь нужна.

Здѣсь бездѣлица веселитъ и цѣну узнаешь вещамъ, когда ихъ нѣтъ. Скажи Оленину ***) , что я его люблю и почитаю. Такъ убить духомъ, что лучше кончить, пока перо само не выпало изъ рукъ.

1 Ноября. 1808. Indesalmi.

Ковст. Батюшковъ.

Напиши мнѣ, гдѣ находится Катерина Федоровна****).—Если стихи мои напечатаны, то пришли.—Ужели будешь коротко писать? Брось эту привычку, мой другъ.—Пришли леденцу съ имбиремъ, побольше. Грудь болитъ.

Н. В. Напиши кой-что изъ этого письма сестрамъ. Я не успѣлъ ихъ о всемъ увѣдомить.

VI.

(Финляндія. 1808 г.).

Я къ тебѣ не пишу, потому что ты не пишешь ко мнѣ. Отошли сіе письмо къ сестрицамъ. Если есть письма отъ нихъ, то — его высокородію Петру Егоровичу Свѣчнину, на Мойкѣ, близъ Краснаго моста, т.-е. въ вашей канцеляріи, отдать; онъ, Свѣчинъ, перешлетъ вѣрно ко мнѣ. Потрудись, другъ мой, самъ отдать ему въ руки. Пришли мнѣ табакъ курительнаго, янтарный чубукъ и нѣсколько русскихъ стиховъ, да балладу Жуковскаго, чѣмъ меня много обяжешь. Я тебя болѣе люблю, нежели ты меня; еслибъ ты былъ въ походѣ, то я бы болѣе, нежели ты для меня, сдѣлалъ. Но, Богъ съ тобой! Кому талантъ, кому два — людей и всегда въ несчастіи собственными боками узнаешь. Прощай и будь здоровъ *****). Батюшковъ.

*) А. П. Турчаниновъ.

**) Гревенсъ, мужъ 3-й сестры К. Н.-ча, Анны Николаевны. Въ его семействѣ жилъ впослѣдствіи больной К. Н., въ Вологдѣ, до своей кончины.

***) А. Н. Оленинъ тогда былъ статсъ-секретаремъ, помощникомъ главнаго директора императорскихъ библиотекъ (гр. А. С. Строгонова), присутствующимъ въ деп. удѣловъ и экспедиторомъ 4-й экспедиціи госуд. совѣта.

****) Муравьева, жена Михайла Ниятича и мать декабристовъ Ниянты, Ипполита и Александра.

*****) Это письмо, равно какъ и приводимыя ниже подъ №№ XII, XIII, въ нашей коллекціи имѣются въ копіяхъ, а не въ подлинникахъ. Сохранились-ли послѣдніе и гдѣ они находятся — мы не знаемъ.

VII.

Финляндія, 25 декабря (1808).

Я къ тебѣ пишу три слова. Курьеръ ѣдетъ, а о его отправленіи сію минуту узналъ. Пиши ко мнѣ, мой другъ, о сестрицахъ; я ни одной строки не имѣю. Здоровы-ли онѣ? — Право, сердце кровью заливадается отъ скуки. Мы живемъ въ 13-ти верстахъ отъ города Вазы, а Ваза есть городъ вымазанный красной краской.... и болѣе ничего. Пришли, мой другъ, табаку не замедля, поболѣе, и мой чубуекъ янтарный, да другой купи хорошій. Пришли книгъ, Бога ради. Какихъ-нибудь русскихъ стиховъ. Купи еще мнѣ чаю фунта два и книгу: *Ossian tradotto dall' abate Cesaroti*. Я объ ней ночь и день думаю. Къ тебѣ съ сямъ курьеровъ обстоятельнаго ничего писать не могу, ибо принужденъ писать на лоскутѣхъ. Пиши по-длиннѣе, по-длиннѣе. Ъздишь-ли ты къ Оленину? Пару перчатокъ теплыхъ не забудь.

Прощай мой другъ, свиданіе наше будетъ за синимъ океаномъ, вдали въ мерцаніи багряномъ.

Ваза, 25 декабря.

Конст. Бат.

Посылки отдай въ домъ Ланского, гофъ-маршала *) на имя Турчанинова **) или лучше въ домъ графини Строгоновой ***): „Въ бригадѣ графа Строгонова. Въ Вазу“. Графиня съ удовольствіемъ беретъ на себя пересылать письма офицерамъ.

Здорово-ли у васъ, какъ ты поживаешь?

(Адресъ: Е. В. Н. И. Гнѣдичу, воевъ Московской съѣзжи въ большомъ каменномъ домѣ, или отдать въ департаментъ графа Завадовскаго у Краснаго моста).

VIII.

Городъ Гамели Карлеби. (Финляндія, 1808, декабрь).

Я получилъ письмо твое. Курьеръ ѣдетъ сію минуту. Если есть у тебя письмо, то отдай ему. Когда сестры пришлютъ деньги или письмо, то отнеси ихъ въ домъ гофъ-маршала Ланского, его сыну камеръ-юнкеру и адресуй на имя полковника Андрея Петровича Турчанинова. Пришли съ этимъ курьеромъ кнастеру. Прощай; перешли перчатки сестрамъ и письмо также. Можетъ скоро увидимся, пиши пространнѣе.

К. Б.

На маршѣ, декабря 1808.

*) Степанъ Сергѣевичъ. Двое молодыхъ Ланскихъ были товарищами Б. во полку.

**) Андрей Петровичъ, полковникъ того-же полка.

***) Гр. Павелъ Александр. Строгоновъ тогда былъ ген.-майоромъ л.-гв. въ Измайловскомъ полку (р. 1774 ум. 1817). Женатъ былъ на княжнѣ Софьѣ Влад. Голицыной (1774—1845).

IX.

1-го апрѣля 1809.

Любезный другъ, Николай Ивановичъ! Я писалъ къ тебѣ назадъ тому дня четыре, и надѣюсь что ты получилъ письмо мое. Въ какомъ ужасномъ положеніи пишу къ тебѣ письмо сіе! Скучень, печалень, уединень. И кому повѣрю горести раздраннаго сердца? Тебѣ, мой другъ, ибо все что меня окружаетъ, столь же холодно, какъ и самая финская зима, столь же глухо какъ камни. Ты спросишь меня: откуда взялась желчь твоя? Право, не знаю; не знаю даже зачѣмъ я пишу, но по сему можешь ты судить о безпорядкѣ мыслей моихъ. Но писать тебѣ, есть нужда сердца, которому скучно быть одному, оно хочетъ излиться.... Зачѣмъ нѣтъ тебя, другъ мой! — ахъ! — Если въ жизни я не жилъ бы другихъ минутъ, какъ тѣ, въ которыя пишу къ тебѣ, то право давно пересталъ бы существовать.

Пиши ко мнѣ чаще, прошу тебя. Почта, говорятъ, установлена, и мы можемъ теперь повѣрять другъ другу чувства сердецъ нашихъ. Пиши хоть о пустякахъ, и это меня разсѣетъ. Выполни по прежнему письму моему и пришли въ точности все, о чемъ тебя просилъ. Увѣдомь меня о сестрицахъ; давно уже отъ нихъ не имѣю извѣстій. Гдѣ онѣ? и что дѣлаютъ? Мнѣ такъ грустно, такъ я собой недоволенъ и окружающими меня, что не знаю куда дѣваться. Повѣришь ли? Дни такъ единообразны, такъ длинны, что самая вѣчность едва ли скучнѣе. А вы, баловни, жалуетесь на свое состояніе!

Этимъ кончу письмо. Ты скажешь, стоило ли труда писать? — Да, стоило, ибо мнѣ легче. Прощай будь счастливѣе.

Надендаль.

Конст. Батюшковъ.

Перешли сіе письмо къ Павлу Алексѣевичу *).

X.

Начато 3 мая (1809).

Qu' un ami véritable est une douce chose! скажемъ съ Лафонтеномъ, да прибавимъ еще съ Дмитріевымъ: „Чувствительна душа и въ чужѣ веселится“. Я былъ внѣ себя отъ радости, какъ получилъ письмо твое, любезный Николай. Я зналъ, я предчувствовалъ что Танкредъ **) будетъ хорошо принятъ, — но меня еще болѣе радуешь, отгадай что? Твоя радость. По крайней мѣрѣ ты нѣсколько минутъ былъ въ восхищеніи, я это вижу по твоему письму. Пиши мнѣ пространнѣе обо всемъ: какъ играли, что говорятъ сѣдые цензоры и весь арео-

*) Пиняловъ, мужъ 2-й сестры К. Н-ча, Елизаветы Николаевны.

**) Танкредъ — трагедія Вольтера, переведенная Гийдичемъ — предст. въ 1-й разъ 8 апр. 1809 г. Особенное впечатлѣніе на зрителей произвела К. С. Семенова (впослѣдствіи кн. Гагарина), въ роли Аменанды.

нагъ и вся сволочь, и шмели, и трутни и змѣи, и гаршии, и все, что говорить и судить своимъ и чужимъ умомъ... и всѣ, какъ говорить Мольеръ. „Figure de savant sur les bancs du théâtre.“ Смѣшныя судьбы! — Скажи еще, не видалъ ли, не замѣтилъ ли тамъ въ тѣни, гдѣ нѣтъ ни луча солнечнаго, ни даже восковой плошки, несчастныхъ освѣщенныхъ авторовъ, которые съ скрежетомъ тебѣ прошептали: божественно! — Не видалъ ли адскихъ богинь, которыя живутъ не въ водахъ Флегетона, но въ театральномъ коридорѣ, вопреки Вольтеру и его Генриадѣ:

*Là git la sombre envie, à l'oeil timide et louche
Versant sur des lauriers les poisons de sa bouche,
Le jour blesse ses yeux, dans l'ombre étincelants....
Après d'elle est l'orgueil, qui se plaît et s'admire...
La faiblesse au teint pâle aux regards abattus...
La tendre hypocrisie aux yeux pleins de douceur,
Le ciel est dans ses yeux, l'enfer est dans son cœur.*

Видѣлъ, видѣлъ, видѣлъ! Я радъ что хорошо сыграна и думаю, что ты не даромъ потерялъ свое время. Увѣдомъ меня, что ты за нее получишь. Я надѣюсь что фортуна не отворотитъ отъ тебя своего лица, вылитаго изъ золота, и не покажетъ тебѣ своей чугунной задницы. Я желаю тебѣ все, что дружба пожелать можетъ.

Мундиры получилъ, а кнѣзь нѣтъ. Дѣло не о томъ. — Я подалъ просьбу въ отставку (увѣдомъ объ этомъ сестеръ, незамедля) за ранами чрезъ К. Вагратіона *) и надѣюсь, что скоро выйдетъ рѣшеніе. Такъ нездоровъ, что къ службѣ вовсе не гожусь, хотя и желалъ бы продолжать. Отъ Абр. Ил. писемъ немнѣю; поговори ему, чтобъ онъ хоть строкой увѣдомилъ. Я къ нему раза три писалъ. — Скажи А. Н. Оленину, что я просился въ отставку. Это нужно. Я самъ его увѣдомлю, а о прочемъ и говорить нечего

Et je serais fâché d'être sage à leurs yeux...

Видишь ли, какая память и какъ я ее украшаю въ Финляндіи! Еслибъ ты зналъ, какъ грустно!... Дай всю силу этому слову — и вѣрно обо мнѣ пожалѣешь.

Пожми руку у Радищева **); у него сердце на ладони; я и его не переставалъ любить. — Люди мнѣ такъ надоѣли и все такъ наскучило, а сердце такъ пусто, надежды такъ мало, что я желалъ бы

*) Вѣроятно Петра Ив-ча, который былъ тогда шефомъ полка, въ которомъ служилъ Батюшковъ.

***) Николай Александровичъ, старшій сынъ Ал. Н-ча, автора «Путешествія изъ Петерб. въ Москву». Изъ его сочиненій изданы отдѣльно: «Алеша Поповичъ» и «Чурила Пленковичъ», двѣ поэмы въ стихахъ; написанная имъ біографія отца, такъ и осталась до сихъ поръ въ рукописи у кн. П. А. Вяземскаго.

уничтожиться, уменьшиться, сдѣлаться атомомъ; ты меня вѣрно пони-
машь:

Кто сильно чувствуетъ, тотъ сильно выражаетъ....

Долго ли мнѣ ссылаться на другихъ? — Мартыновъ *) написалъ бы здѣсь, въ скобкахъ, эстетическимъ перомъ своимъ *citer à propos et mal à propos*. — Выщипали перья у любви, которая состарѣлась, не вылетая изъ твоего сердца; ей крылья не нужны. А. Ф., право, хороша и давай ей кадить! — Этимъ ничего не возьмешь. Не летай вокругъ свѣчки — обожжешься. А впрочемъ, какъ хочешь — и это имѣетъ свою пріятность, неправда-ли? Я такъ этакъ думаю, на холостомъ ложѣ, перебирая старую быль въ головѣ своей: лучше какъ-нибудь вкушать блаженство, нежели никакъ, а здѣсь въ кого влюбись? Развѣ въ Анну, Кайсу, Бриту, которыя бы годились въ при- служницы греческимъ Паркамъ. Преузорочныя чухонки!

А когда я любилъ, увѣнчанный ландышами, въ розовой тѣнѣ съ посохомъ, перевязаннымъ зелеными лентами, цвѣтомъ надежды, съ невинностью въ сердцѣ, съ добродушіемъ въ пламенныхъ очахъ, пригвѣвая: „кто могъ любить такъ страстно,“ или „я неволенъ, но доволенъ,“ или „нигдѣ мѣста не найду,“ ты смѣялся злодѣй, — те- перь я запою: „я плакалъ, ты смѣялся“ и проч.

Le sage est ménager du tems et des paroles!

А я съ тобою такъ разболтался. Пришли книгъ и Капниста по почтѣ, можешь и писать: она регулярно ходитъ. Прошу тебя увѣдо- мить обо всемъ сестеръ, не замедля.

Я не смѣю и говорить тебѣ, что люблю еще какъ дуракъ и кого? Ты самъ знаешь и знаешь также, о чемъ хочу просить. Женимся, кой другъ, и скажемъ вмѣстѣ: Святая невинность, чистая непороч- ность и тихое сердечное удовольствіе, живите вмѣстѣ въ бѣдномъ домѣ, гдѣ нѣтъ ни бронзы, ни драгоценныхъ сосудовъ, гдѣ скатерть послана гостепрѣимствомъ, гдѣ сердце на языкѣ, гдѣ фортуны не чествуютъ въ почетномъ углу, но гдѣ мирный Пенатъ улыбается друзьямъ и супругамъ... мы васъ издали привѣтствуемъ. Не правда ли? А пока пойдемъ съ рублемъ къ каменному мосту и потомъ направо.

Я вдругъ получилъ извѣстіе, что г. Строгоновъ ѣдетъ, и спѣшу кончить письмо. — Пришли книги. Конст. Батюшк.

Освѣдомляйся у Спиридова, адъютанта Строгонова, какое теченіе приметъ моя просьба и увѣдомляй меня немедленно. Это все можно чрезъ Полозова.

*) Извѣстный переводчикъ греческихъ классиковъ, бывшій тогда директо- ромъ департ. народ. просвѣщенія.

XI.

4 августа 1809. (Изъ деревни.)

Я не писалъ къ тебѣ, другъ мой, и могъ ли писать; сдѣлался такъ боленъ, что хоть брось. Здѣсь все благополучно. Гдѣ ты пожи- ваешь, другъ мой? — Радищевъ пишетъ, что на дачу переѣзжаешь. Приѣзжай лучше сюда; рѣшись и дѣло въ шляпѣ.

Тебя и нимфы ждуть объята простирая,
И фавны дикіе кроталами играя,
Придешь — и всѣ къ тебѣ на встрѣчу прибѣгутъ
Изъ дровъ гамадриды,
Изъ рѣкъ обмытыя наяды.
И даже сельскій п—ъ, сатиръ и пьяный плутъ.

А если не будешь, то все переимѣнить видъ, все заплачетъ, за- рыдаешь:

Цвѣты завянутъ всѣ, завоютъ рощи дикіе,
Слезами потекутъ кристаллы ручейки,
И, рѣзки испустивъ въ болотѣ ближнемъ крики,
Прочь крылья наострятъ носасты кулики,
Печальны чибисы, умильны перепелки.
Не станутъ пастухи играть въ свои свирѣлки,
Любовь и дружество — погибнетъ все съ тоски!

Вотъ тебѣ два мадригала, а приѣдешь — и цѣлая поэма. Скажи Аннѣ Петровнѣ, что я ѣхалъ по слѣдамъ Бороздина. Его гдѣ при- нимали за шпіона, гдѣ за чудака (онъ часто ночью гулялъ), а гдѣ и за статскаго совѣтника. Попроси А. Н., чтобъ онъ не сердился на меня за то, что я съ нимъ не простился. Вотъ пятьдесятъ рублей въ уплату крестовъ; я чаю, ты получилъ отъ фонъ-Мендена или Про- тасьева *) деньги. Перешли и сіи письма къ Макарову черезъ Ради- щева. Если заплатилъ деньги за кресты, то оставь сіи деньги у себя, вой для какихъ покупокъ, да пришли мнѣ съ первой почтой плетен- ный чубукъ для фарфоровой трубки, купи у Голандца; также вак- штафу два фунта, у меня нѣтъ ни крохи. Пожалуйста увѣдомь поско- рѣе, гдѣ ты и что намѣренъ дѣлать. Vale e me ama. Я къ Радищеву буду писать, если онъ здѣсь въ Питерѣ. Попроси Алек. Петр.**), чтобъ онъ увѣдомилъ меня строчкой, и прислалъ бы книгу, что у него есть о псовой охотѣ.

Конст. Бат.

Я безъ табаку пропасть.

*) Бывшіе сослуживцы по егерскому полку, какъ и Петръ Степ. Макаровъ, упоминаемый вслѣдъ за симъ.

**) Венецкаго.

XII.

(7 августа 1809 г.).

Я къ тебѣ писать не буду. Ты самъ лѣнивъ. Напечатай эти стихи въ „Драм. Вѣстникъ“, чтобы доказать, что я живъ и волею Божию еще не помре съ печали. Я выбралъ нарочно трудныя мѣста для переводчика. Посланіе къ Тассу *) тебѣ понравится. Марай дурное — воля твоя, — но пожалѣй немного сіе новорожденное дѣтище. Прости до первой почты.

7 августа.

К. Б.

XIII.

(19 августа 1809 г.).

Я къ тебѣ пишу мало, потому что боленъ и скученъ, но съ первой почтой буду писать пространнѣе. Увѣдомляй меня почаще; здѣсь въ пустыни и ковчегъ Ноевъ — новость, а у васъ тамъ ничему не удивляются. Изъ твоего письма вижу, что обитаешь на дачѣ, въ жилищѣ Сиренъ. Мужайся, Улиссъ! Здѣсь-же ни одной Сирены; а спутниковъ Итакскаго мужа, который десять лѣтъ плылъ изъ Малой Азіи на каменный и бѣдный островъ, — очень много. Какъ минута можетъ пережвѣнить предметы! Я отворилъ окно и вижу: нимфа Io ходить, голубушка, и мычить Богъ вѣсть о чемъ; двѣ Леды кричатъ немилосердно. Да, посмотри... тамъ въ тѣни — право стыдно!... бараны, можетъ быть, изъ стада царя Адмета...

Накинемъ занавѣсъ цѣломудрія на сіи сладостныя сцены, какъ говоритъ Николай Михайловичъ Карамзинъ въ Натальѣ. Пожалуста пришли мнѣ стиховъ изъ Петербурга, а я тебѣ пришлю перчатокъ замшевыхъ хоть дюжину.

Ты, можетъ быть, забылъ, что мнѣ нужно разсвѣяніе и для того я все говорю о дѣлѣ — (дамскій силлогизмъ). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ; напечатай въ „Цвѣтникѣ“, если онъ не завялъ совершенно. А онъ недурны. На будущей почтѣ я пришлю тебѣ нѣсколько похвальныхъ словъ, а именно вотъ какихъ: поэтъ Спдоръ, что написалъ Потопъ, а рыбы на кустахъ, ну ужъ гений! А Кузьма, что

*) Посланіе это напечатано въ «Драмат. Вѣстникѣ» (ч. VI, стр. 62 — 67), съ примѣчаніемъ, что «его предположено было напечатать въ заглавіи перевода Осв. Іерусалима». Это и 5 другихъ примѣчаній въ изданіи соч. Батюшкова опущены. Вслѣдъ за «Посланіемъ» въ «Др. Вѣст.» былъ помѣщенъ и отрывокъ изъ перевода. Осв. Іерусалима (стр. 68 — 72). Ему предшествовали слѣдующія строки: «Можетъ быть охотники до стиховъ съ снисхожденіемъ прочитаютъ опытъ перевода нѣкоторыхъ октавъ изъ безсмертной Тассовой поэмы. Если не найдутъ высокихъ пѣтическихъ мыслей, красоты выраженій, плавности стиховъ, то вина переводчика: подлинникъ безсмертенъ». Подпись подъ переводомъ NNN. Въ соч. Батюшкова онъ есть.

сидить въ креслахъ на Васильевскомъ Острову, возлѣ Биржи, мастеръ писать... хоть съ виду и не хитеръ, а ума палата!

Я увѣренъ, что эпиграммы по тебѣ, а особливо на женщинѣ, *Виргилиевъ переводъ и журналиста* *).

Гдѣ Радищевъ? Онъ вѣрно въ Москвѣ. Дай его адресъ. Капниста адресъ мнѣ нуженъ необходимо. Пришли мнѣ дамскій сувениръ, на манеръ моей книжки, что купилъ я въ магазинѣ въ 10 или 15 руб. „Др. Вѣстникъ“ 11-й части съ 144 листа недостаетъ; пришли мнѣ его неотмѣнно, также Державина, если есть кредитъ; а я тебѣ деньги вышлю съ первой почтой. Надѣюсь, что кресты отправлены; а табаку ожидаю, какъ цвѣтокъ росы. Если можешь прислать турецкаго хорошаго, лучшаго; такого, что нестыдно курить въ магометовомъ раю, на лонѣ гурій, съ аравійскими ароматами, съ алоемъ, шафраномъ, съ анемонами, съ ананасовымъ сокомъ... Ты понимаешь!

Ты получилъ пенсіонъ!

Сердце у меня выскочить хотѣло отъ радости. Ты знаешь, что я въ половину чувствовать не умѣю. Письмо сіе было запечатано, отослано; но опоздало на почту. Приносятъ письмо отъ Радищева и я читаю, что ты получилъ пенсіонъ! Да здравствуетъ князь Гагаринъ!** Я бы желалъ его знать покорооче: онъ стоить того! Вытолкни его изъ круга нынѣшнихъ господчиковъ: онъ право феноменъ!... Ну, слава Богу, ты имѣешь кусокъ вѣрнаго хлѣба; великое дѣло! Жаль, что меня съ тобою нѣтъ: я-бы по своему праздновалъ это мое благополучіе. Я любилъ всегда Гомера, а теперь обожаю: онъ кромѣ удовольствія неизъяснимаго дѣлаетъ добро человѣчеству. Да тѣнь его потрясется на Олимпѣ отъ радости!

Играйте, оневскія музы,
Играйте во свирѣли, флейдузы!

Скажу съ Тредьяковскимъ и обниму тебя отъ всего сердца, души и помышленія. Весь твой Копст. Батюшк.

*) Эпиграммы эти не вошли въ собраніе соч. Батюшкова. Напечатаны онѣ въ «Цвѣтникѣ» 1810 г. № 1 и 3. Вотъ эпиграмма «На переводъ Виргилія» сдѣланный Мерзляковымъ:

Вдали отъ храма музъ и рощей Геликона
Фебъ мстительною рукой Сатира задавилъ;
Воскресъ уродъ и отомстилъ:
Друзья... онъ душитъ Аполлона!

К. Б — въ.

**) Кн. Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ былъ тогда дѣйстви. камергеромъ и шталмейстеромъ двора ея высочества Екатерины Павловны, назначившей Гнѣдичу пенсіонъ. Князь впоследствии женился на извѣстной К. С. Семеновой.

XIV.

Окончено сентября 6-го, 1809.

Я получилъ письмо твое отъ 23-го и радуюсь твоей радости, печалюсь твоей печали. Ты нажилъ завистниковъ? Но долженъ ли я повторить прежнія слова? Коррадо *) ихъ не родить, а переводы Иліады **) и Танкреда имѣютъ сильныя требованія на зависть и злобу. А пенсіонъ?— Брось печаль свою... Я желалъ бы, чтобъ мнѣ завидовали. Къ несчастію, есть люди, которые только жалѣютъ объ моихъ жалостяхъ, можетъ быть, изъ зависти. Я самъ умѣю плечами пожимать и болѣе кстати, нежели они, а языкъ мой? Если начну разглагольствовать въ жару страсти, вспомни, остеръ или нѣтъ? Но оставь Гаршій..... пойдемъ къ Граціямъ, къ Семеновой. Вотъ ей стихи. Если она скромна какъ Кореджіева дѣва, то и тутъ не отказалась бы отъ этой похвалы ***). Все что ты ни напишешь на

*) Донъ Коррадо де Геррера, или духъ мщенія и варварства гишпанцевъ— первый печатный опытъ Гнѣдича, романъ въ 2 ч. (М. 1803).

**) Въ 1809 г. Гнѣдичъ напечаталъ 7-ю пѣснь Иліады, переводъ александрійскими стихами, какъ продолженіе перевода Е. Кострова. В. Кн. Екаторива Павловна, супруга принца Ольденбургскаго, назначила Гнѣдичу, въ поощреніе къ дальнѣйшему труду, по 1000 р. ежегодной пенсіи.

***) Стихи эти напечатаны въ «Цвѣтникѣ» Измайлова и Беницкаго, но ни въ одно изъ собраній соч. Батюшкова не вошли (см. «Цвѣтникъ» 1809. ч. 3, стр. 409 — 410):

Стихи г. Семеновой.

E in si bel cogro piu saга venia.

Тассъ, V пѣснь «Освобожденнаго Іерусалима».

Я видѣлъ красоту достойную вѣнца,
Дочь добродѣтельную, печальну Антигону,
Опору слабую несчастнаго сѣнца,
Я видѣлъ, я внималъ ея сердечну стону,
И въ рубицѣ простомъ почтенной нищеты
Узналъ богиню красоты.

Я видѣлъ, я позналъ ее въ Моиѣ страстной
Средь сонма древнихъ Бардъ, средь копій и мечей;
Ея гласъ сладостный достигъ души моея,
Ея взоръ пламенной, всегда съ душой согласной,
Я видѣлъ — и позналъ небесныя черты
Богини красоты.

О дарованіе, одно другимъ вѣнчанно! *)
Я видѣлъ Ксенію ствещаю предо мной:
Любовь и строгій долгъ владѣютъ вдругъ вняжно,

*) Дарованіе поэта и актрисы. (Примѣч. Батюшкова).

этотъ случай, будетъ слишкомъ обыкновенно... Я взялъ перо съ удовольствіемъ и въ первый разъ, можетъ быть, съ пользою и кстаті... т. е. для дружества. Можешь это напечатать, но гдѣ? Беницкаго *), котораго въ тайнѣ музы и три четыре человека, много, жалѣть будуть, — я думаю, не стало. Безъ него и Цвѣтниківъ такъ заваль, какъ у меня въ саду послѣ осеннихъ дождей витайскій макъ. Надѣюсь, что Семенова поблагодарить, хоть словомъ своею руки; я тѣмъ болѣе на это имѣю права, что съ ней незнакомъ. — Ты теперь совершенно хочешь погрузиться въ Илиаду, какъ Ахиллесъ въ рѣку забвенія. И долженъ! — этого слова ни мой, ни твой желудокъ не варить. Однакъ, что тебя будетъ оживлять, окрылять поэтическій духъ, отгадай? — Зависть; точно она; лучший способъ ей мстить: молчать и дѣлать.

Что творить Ан. Петр. на дачѣ? — Спроси ее гдѣ Ниловы, я къ нимъ хочу писать посланіе. Гдѣ Капнистъ? — Какъ къ нему писать? Про Хераскова трагедію ты говоришь, что академія ее вѣнчала **). Она дѣлаетъ свое дѣло, т. е.

Triste amante des morts elle hait les vivans.

Какой ты чудакъ! — Ни слова будто не могъ сказать Измайлову, либо самъ сходить къ Лесновскому за журналомъ? — Не стыдно-ли? Еслибъ зналъ, что здѣсь время за вещь? — Что крылья его — свинцовыя? — Что убить нечѣмъ? — Ужъ я принужденъ читать пряники Долгорукова***), за неимѣніемъ лучшаго. Пришли Драматическій Вѣст-

Боренье всѣхъ страстей въ ней къ ужасу сліянно
Я видѣлъ, чувствовалъ душевной полнотою
И счастливъ сей мечтой!

Я видѣлъ — и хвалить не смѣлъ въ восторгъ страстномъ,
Но нынѣ, истинной священной вдохновень,
Скажу, красоть соборъ въ ней явно съединень:
Душа небесная во образѣ прекрасномъ
И сердца добраго всѣ рѣдкія черты,
Безъ коихъ ничего и прелесть красоты.

Ярославль, сентября 6.

К. Б.

*) Александръ Петр. Беницкий, очень талантливый писатель и одинъ изъ издателей «Цвѣтника», умеръ 30 ноября 1809 г., 28 лѣтъ отъ роду, о немъ см. въ «Цвѣтникѣ» 1809, ч. IV, стр. 264—267.

**) Мих. Матв. Херасковъ (р. 1733, ум. 27 сент. 1807) незадолго до смерти своей, по задачѣ российской академіи, написалъ и представилъ въ академію трагедію: «Раздѣленная Россія или Зеренда и Ростиславъ». Она признана академію достойной награды.

***) Сочиненія кн. Ив. Мих. Долгорукаго. Они изданы въ 4 ч. подъ заглавіемъ: «Бытіе сердца моего».

ниги *), но въ полнотѣ. Нѣтъ ли чего новаго? — Я весь итальянецъ, т. е. перевожу Тасса въ прозу **). Хочу учиться и дѣлаю исполнителскіе усугбхи. — Стихи свои переправилъ такъ, что самому любо. Право, лучший судья, послѣ двухъ или трехъ лѣтъ, самъ сочинитель, если онъ не зараженъ величайшимъ порокомъ и величайшею добродѣтелью — самолюбіемъ. Не издаетъ-ли это нынѣ журналовъ? — Что новаго? — Не похудѣлъ ли другъ Радищевъ? Каково Яковлевъ играетъ? — Какова погода? — Продають-ли вареную кислоту съ пошеранцовыми отрубями, осыпанную лавровымъ листомъ? — Живъ ли твой апетитъ? — Долго-ли Мартыновъ исповѣдуетъ и что спрашиваетъ на духу? — Какое обширное поле для эпиграммъ! — Не худо-бы тебѣ прислать мнѣ турецкаго табаку; порадуй же меня и душу мою. Маленькій Катенинъ ***)) что дѣлаетъ; онъ съ большимъ дарованіемъ; гдѣ онъ? — Франкови пилюли продають въ аптекахъ, въ главныхъ, для тѣхъ, у кого есть языкъ. Пришли ихъ пожалуйста, да ваксы для саногъ.

Я завожу переписку съ Ч—вой, это преутѣшная и преславная реляція подвиговъ....

Не влюбленъ-ли ты? — Когда такъ, то плонъ — и все тутъ.
 Что значить ex fulgore? — Больно жалъ Венецаго! — Жильбертъ въ немъ воскресъ и умеръ. Большія дарованія, рѣдкій, свѣтлый умъ; жалъ что залилось желчью; а его болѣзнь, я думаю, превратилась въ нервическую; а на себѣ испыталъ это ужасное положеніе: чувствовать все гораздо сильнѣе, но съ меньшими тѣлесными силами! Поневолѣ призадумался и скажешь: что человекъ? За что одинъ страдаетъ, другой... но всѣмъ участь одна, всё, какъ царь и рабъ, умираемъ и живемъ несчастливы. Но баста! — слишкомъ умно заговорилъ некстати. Пришли табаку турецкаго. Помнишь ли, что Брутъ ****)) говорилъ въ сенатѣ, на улицѣ, дома, въ храмахъ, на площади, на с...нѣ? Онъ говорилъ: гибель Кареагенѣ; а не Брутъ, такъ говорить стану: дай табаку. Я читалъ все это время Княжнина сочиненія. Сколько хорошаго; Сколько ума и соли! — и какое холодное, мерзлое дарованіе! —

*) «Драматическій Вѣстникъ» издавался въ 1806—1809 г. Въ немъ между прочимъ участвовали Н. И. Гнѣдичъ и И. А. Крыловъ. Изданіе это теперь крайне рѣдко.

**)) Однако переводилъ и стихами, какъ это показываетъ отрывокъ изъ Хѣснн Осв. Иерусалима, тогда же помѣщенный въ «Цѣлѣтникъ». (1809, ч. II, стр. 342—356).

***)) Павелъ Андреевичъ, авторъ многихъ стихотвореній и переводчикъ Рабсина и пр.

****)) Ошибка, вм. Катонъ.

У меня есть сосѣдъ, который пишетъ, читаетъ переконную подъ титлами и гражданскую печать, не примуть-ли его въ академію? — Знаешь-ли какія этимъ членамъ надобны кресла? — Ст...ки. О варвары, о Крашенинниковы, о Тредьяковскіе. — Эта академія не всегда была запакощена, въ ней были, сіяли люди, истинно съ дарованіями. Mais sans un Mécenas à quoi sert un Auguste? — Гдѣ Крыловъ? — Что дѣлаетъ Шаховской и Жихаревъ? — Полозовъ ко мнѣ не пишетъ. Сочини изъ этого письма экстрактъ, да пришли его мнѣ полюбоваться. Ни начала, ни конца! — Жаль, не губи эпиграмъ моихъ въ Цвѣтникѣ; онѣ право не такъ дурны. Да пришли мнѣ Цвѣтникъ, ради Бога. — Что значить *ex fulgore*? Продолженіе впредь. — Посмотрю у меня камины погасъ, а на дворѣ стужа.

Итальянскій эпиграфъ очень приличенъ къ Семеновъ; это одинъ изъ лучшихъ стиховъ Тассовыхъ (скажу мимоходомъ, что Іерусалимъ — совровище: чѣмъ болѣе читаешь, тѣмъ болѣе новыхъ красотъ, которыя исчезаютъ во всѣхъ переводахъ), онъ значить: въ прекрасномъ тѣлѣ прекраснѣйшая душа. Этотъ стихъ взятъ изъ Энеиды, вотъ латинскій: *Gratior et pulchro veniens in corpore virtus*. Смирися предъ моею ученостью!

Право, мои стихи не дурны. — Какъ понравятся, не знаю?

Растиньяковы кресты отправъ съ Семеновъ. 50 р. съ тѣми, что я послалъ, и съ этими, у сего приложенными, составятъ 150. — Кресты и письма отнеси Делаярду самъ; онъ очень любезный малый, другъ Растиньяковъ, — живетъ въ капитулѣ Мальтійскомъ на дворѣ, или отошли, но самому лучше. Купи на остальные Державина сочиненія, Монтаня непременно и табуку турецкаго. Какъ бы сладостно выкурить трубочку!

Если получишь отъ Протасьева, то купи что-нибудь, рублей въ 75, на шею для Вариньки, *) по крайней мѣрѣ притѣрлуй; не знаю что носить. Мнѣ хочется помоднѣе.

Что значить *ex fulgore*?

Бога ради, кресты отправъ, извинись предъ Делаярдомъ, что я тебѣ не сказалъ по вѣтренности адреса его.

XV.

19 сентября 1809.

Я радуюсь, что письмо мое тебя утѣшило. Могло ли произвестъ иное дѣйствіе на сердце, способное раздѣлять въ полнотѣ чувство дружества? — Могъ ли бы я тебя любить, еслибъ душа твоя не отзывалась согласно на голосъ моей дружбы? — Чѣмъ болѣе живу, тѣмъ

*) Младшая сестра К. Н-ча.

болѣе люблю тебя, всё даже маловажныя происшествія связываютъ тѣснѣе союзъ дружества. Оно растеть съ годами, ибо мы гораздо болѣе привязаны другъ къ другу теперь, нежели назадъ тому годъ и болѣе. Любовь совсѣмъ не такъ: эта горячка любви, эти восторги, упоющіе душу, исчезаютъ. — Гдѣ истинная любовь? — нѣтъ ея. Я вѣрю одной вздыхательной, Петраркизму, т. е. живущей въ душѣ поэтовъ, и болѣе никакой. Въ дружбѣ мой девизъ: истина и снисхожденіе. Истину должно говорить другу, но стольже осторожно, какъ и самолюбивой женщинѣ; снисходительну должно быть всегда. Ради сего послѣдняго пункта, и въ силу этого условія, я могу болтать до усталы, не правда ли?

Я твоей загадки не понимаю, да и не силюсь понять. Ты хочешь заняться Гомеромъ, и совѣтую. Разстанься, удались отъ писателей. Повѣрь мнѣ, это нужно. Я знаю этихъ людей, они вблизи гораздо болѣе завидуютъ. Хорошо съ ними водиться тому, кто ищетъ одной извѣстности, а не славы. Ты въ первой не имѣешь нужды, а послѣднюю ничѣмъ пріобрѣсть нельзя, какъ трудами. Позволишь-ли дать совѣтъ? — Перечитывая твой переводъ, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что излишній славянизмъ не нуженъ, а тебѣ будетъ и пагубенъ. Стихи твои, и это забывать тебѣ никогда не должно, будутъ читать женщины, а съ ними худо говорить непонятнымъ языкомъ. Притомъ, кажется, что славянскія слова и обороты вовсе не нужны въ иныхъ мѣстахъ; ты самъ это чувствовалъ. Но и здѣсь соблюди середину; подвигъ во истину трудный! — Кто хочетъ писать, чтобъ быть читаннымъ, тотъ пиши внятно, какъ Капнистъ, вѣрнѣйшій образецъ въ слогѣ, я не говорю — переводчику Илиады. Повѣрь мнѣ, что еслибъ Костровъ жилъ въ свѣтѣ, то не осмѣлился бы написать сицѣ для колесницы, а свѣтъ или еще значительнѣе слово — *urbanité* не послѣдняя для тебя выгода; и я думаю, что вечеръ, проведенный у Самариной, или съ умными людьми, наставитъ болѣе въ искусствѣ писать, нежели чтеніе нашихъ варваровъ. Я слогъ ихъ сравниваю съ рѣвкой, въ которую нельзя погрузиться, не омочивъ себя. Мнѣ кажется, что гораздо полезнѣе чтеніе Библіи, нежели всѣхъ нашихъ академическихъ сочиненій, ибо въ первой есть поэзія, а Кондильякъ сказалъ: *on peut raisonner sans s'éclairer, mais on ne peut pas remuer son âme d'une manière nouvelle ou agréable, qu'aussitôt je ne sente le beau.* Вотъ преимущество стихотворнаго языка. Я не знаю поймешь-ли меня, но мнѣ кажется, что лучше прочесть страницу стихотворной прозы изъ Маренъ Посадницы, нежели Шипкова холодныя творенія.

Подумай, можетъ быть, я сказалъ правду. Какъ мнѣ Венецкаго

жаль! — Я читалъ нынѣ „умнаго и дурака“ въ Талии *). Онъ какъ предвидѣлъ конецъ свой. Все что ни написано, сильно, даже ужасно, слишкомъ сильно, напитано желчью. Живъ-ли-то онъ?

Увѣдомь меня, какъ Семенова приняла рѣчь мою за Архія? — Я теперь перевожу отъ скуки Тиббула въ стихи**), Тасса въ прозу и перемарываю старыя грѣхи. Много прибавилъ и что важнѣе—все переписалъ. Я бы послалъ тебѣ что-нибудь, но берегу до случая, когда могу все отправить вмѣстѣ; хочу велѣть переписать копии три. Если время будетъ, то пришлю и съ этимъ письмомъ. Въ Цвѣтникѣ и губить нечего. — Отправь кресты, Бога ради, отправь... Я можетъ быть поѣду вскорѣ въ Москву. Хорошо бы и тебѣ туда заглянуть, а? — Какая Аглая у Самариной? — Не Шаликова-ли журнала, обчесавшаяся муза? — Англичанка не сдѣлала ли развязку романа немного поспѣшно? Жаль что я не успѣлъ для нея застрѣлиться холостымъ выстрѣломъ. Напрасно говоришь, что я пишу на какого-то издателя Лук—го ***). Я этихъ ословъ плетью съчь не хочу. Пришли книги, объ которыхъ писалъ прежде, да пиши поболѣе объ дурачествахъ. Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ скучно! — Я теперь-то чувствую, что дарованію нужно побужденіе и ободреніе; бѣда если самолюбіе заснетъ, а у меня вздремало. Я становлюсь въ тягость себѣ и ни къ чему неспособенъ. Не знаю, въ прокъ-ли-то раннія несчастія и опытность? Бѣда, когда разсудка не прибавать, а сердце высушать. Я пилъ горести, пью и буду пить. Сегодня читалъ я, что Богъ сотворилъ человѣка и размыслилъ, смот. Моисеевы книги въ началѣ. И впрямь, гдѣ счастье? — Я его иногда нахожу въ краткихъ напряженіяхъ души и тѣла, ибо тѣло отъ души разлучать не должно, но тѣмъ болѣе отъ напряженія органы изнемогаютъ и горестъ тутъ какъ тутъ.

Книги, Бога-ради, пришли „Цвѣтникъ“, Державина и „Драматическій Вѣстникъ“.

XVI.

...Послушай, мой другъ, что я хочу тебѣ сказать. Не что иное, какъ предположеніе, но если ничего никогда не предположишь, то и не

*) «Талия или собраніе разныхъ новыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Издавъ А. Беницкій. Часть 1-я. Сиб. 1807». По смерти Беницкаго Измайловъ сообщалъ въ Цвѣтникѣ» (1809 г. № 11), что 2-я книжка Талии давно отпечатана, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не выпущена въ свѣтъ. Она такъ и осталась невыпущенною.

**) Переводъ В—ва «3-й элегіи Тиббула изъ 3-й книги» напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы 1809 г. № 23, стр. 198—199, съ подписью К.

***) Эпиграмма В—ва написана на Глушницкаго. (Цвѣтникъ, 1810, ч. V, стр. 353). Вѣроятно Гвѣдичъ отнесъ ее къ Аристарху Лукницкому. Въ собр.

выполнишь. Притомъ же слова мои пусти на воду, если не годятся. Именно: ты знаешь, что мнѣ 22 отъ роду; кончить вѣкъ свой въ юность чинѣ стыдно и глупо; ты знаешь еще, что никогда я ни у кого ничего не просилъ, но тебѣ открыться можно. Еслибъ я чувствовалъ, что ни къ чему неспособенъ, то вѣрно ни слова не вымолвилъ. Ты скажешь, зачѣмъ я перемѣнилъ службу? — Но нѣтъ, ты этого не скажешь, ты знаешь мои обстоятельства. Служить мнѣ надобно, но гдѣ и какъ? — Вотъ въ чемъ дѣло. Не можешь-ли мнѣ посовѣтовать и прочистить дорогу, чрезъ кого-нибудь въ иностранную коллегію, по дипломатикѣ (какъ говорить Крыловъ) и я чего-нибудь да стою, т. е. могу быть полезенъ, ибо знаю языки. Но это не хитрость. Гнѣть не могу и не хочу нигдѣ. А желаю, если возможно, быть посланъ въ миссію; поговори объ этомъ съ людьми умными, нѣтъ ли способа? Я знаю на опытъ, что иногда слово кстати отъ неважнаго человѣка значительнѣе, нежели сильная протекція. Знаю, что если кто умѣетъ немного цѣнить дарованія, тотъ болѣе склонитъ слухъ къ просьбѣ твоей, нежели какого-нибудь генерала. Посовѣтуйся съ Анной Петровной. На этотъ случай женщины всегда лучше насъ, ибо видятъ то, чего мы не видимъ, ибо, если захотятъ что, то сдѣлаютъ. Но я желаю бы нѣчто вѣрное, ясное, а не надежду, ибо ея гораздо болѣе въ моихъ пинтическихъ мечтахъ, нежели въ словѣ завтра. Вотъ въ чемъ моя просьба состоитъ. Уважить и нѣтъ — отъ тебя зависеть. Я бы согласился и безъ жалованья въ Италію, а это важное условіе. Неправда-ли? — Старайся, если можно. Оленина и просить не хочу, ибо я ему многимъ, очень многимъ одолженъ. Есть, правда, средство черезъ Баранова *), и сильное, но ты знаешь, чего мнѣ стоить просить за себя! — Гдѣ Михайло Никитичъ!.....

Кстати скажу тебѣ, что черезъ мѣсяцъ ѣду въ Москву. Катерина Федоровна сильно приглашаетъ во всякомъ письмѣ, да и мнѣ ее увидѣть хочется.

Не можно-ли поговорить съ Гагаринимъ объ этомъ дѣлѣ? Вся сила состоитъ въ томъ: *frappez juste, mais frappez fort*, т. е.... Да я слишкомъ заболтался!... и такъ, чтобъ ты не назвалъ мечтой мои желанія. Но если, мой другъ, ты войдешь въ мое состояніе, то вѣрно, вѣрно пожалѣешь. Съ моею дѣятельностью и лѣтнью, я буду совершенно несчастливъ въ деревнѣ, и въ Москвѣ, и вездѣ. Служилъ всегда честно, это засвидѣтельствуетъ тебѣ совѣсть моя. Служилъ

соч. Батюшкова она не вошла, какъ и многія изъ пьесъ, помѣщенныхъ въ Цвѣтнѣхъ, частью съ полной подписью, частью съ подписью: К. Б., или Б., или К., а частью и вовсе безъ подписи. Эпиграмма подписана: 1. 12.

*) Дядя Батюшкова, сенаторъ.

несчастливо, ты самъ знаешь, служилъ изъ креста и того не получилъ, и упустилъ все—даже время, невозвратное время! Теперь съ совершенной пустотой душевной, съ пагубной для меня, я рѣшился, если не пойду служить по этой части, то поѣду путешествовать, хотя бы это стоило десяти тысячъ, что меня разорить совершенно, но гнить въ ничтожествѣ не могу. И впрямъ, когда мы посмотримъ на баловней фортуны... Правда, я имъ не завидую.

Риема на прѣ, моря—есть не укоря. Да риемы искать, не читаю стиховъ, все тоже, что лѣчить заочно больного. Не правда-ли, что риемы—занятіе преполозное? Какъ ты думаешь? Но римонъ, скажу безъ смѣху, чѣмъ новѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ разительнѣе, напримѣръ, у меня:

Се третій шествуетъ Алмастій городъ и страшенъ
Какъ древо Капаній у твердыхъ Оивскихъ башенъ.

Этого исъма, надѣюсь, не будешь читать Самаринной.

XVII.

1-го ноября кончено и послано (1809).

Г-жа Севинье, любезная, прѣкрасная Севинье говоритъ, что еслибъ она прожила только двѣсти лѣтъ, не болѣе, то сдѣлалась бы совершенною женщиною. Если я проживу еще десять лѣтъ, то сойду съ ума *). Право жить скучно; ничто не утѣшаетъ. Время летитъ то скоро, то тихо, зла болѣе, нежели добра; глупости болѣе, нежели ума; да что и въ умѣ?... Въ домѣ у меня такъ тихо, собака дремлетъ у ногъ моихъ, глядя на огонь въ печѣ; сестра, въ другихъ комнатахъ, перечитываетъ, я думаю, старыя письма... Я сто разъ бралъ книгу и книга падала изъ рукъ. Миѣ не грустно, не скучно; а чувствую что-то необыкновенное, какую-то душевную пустоту... Что дѣлать? Развѣ поговорить съ тобою?

Я подумалъ о томъ, что писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ, и невольно засмѣялся. Какъ иногда человѣкъ бываетъ глупъ!

1-е дурачество: я сравнивалъ себя съ Дмитріевымъ, назначилъ себѣ мѣсто ступеню ниже его!... Бога-ради, не напечатай этого! Да и не читай никому.... 2-е дурачество: говорилъ тебѣ о какой-то миссиі... не во снѣ-ли я?... Надѣюсь, что ты это все прочитаешь хладнокровно, пожмешь плечами, положишь въ ящикъ, замкнешь, и дѣлу квитъ. Но кто, мой другъ, всегда бывалъ въ полномъ разумѣ!—И что это разумъ? Что онъ такое? Не сынъ-ли, не братъ-ли, лучше сказать, тѣла нашего? Право, что пледи метафизики—похоже на паутина, гдѣ мы,

*) Батюшковъ не угадалъ очень немного: болѣзнь постигла его черезъ 12 лѣтъ.

бѣдныя мухи, увязаемъ, то ногой, то крыломъ, тогда какъ можемъ благополучно и мимо, т. е. и не разсуждать объ этомъ. Послушай Власьевны въ Сбитеньщикѣ *):

Ѳадей. Власьевна, отчего коли спишь, хотя глаза и зажмурены, а видишь?

Власьевна. Это не видишь, а думаешь.

Ѳадей. А что такое думать?

Власьевна. Я и сама не знаю.

Я и самъ не знаю,—безподобное слово! — И впрямь, что мы знаемъ?—Ничего. Вотъ какъ мысли мои улетаютъ одна отъ другой. Говорилъ объ одномъ, окончилъ другимъ. Немудрено, мой другъ... Въ этой безмолвной тишинѣ, голова—не голова. Однакожь обстоятельства не позволяютъ выѣхать. Я бы могъ, правда, ѣхать напр. въ Вологду, но что тамъ дѣлать? Здѣсь я, по крайней мѣрѣ, наединѣ, съ сестрой Алек. (Варинька гоститъ у сестры), по крайней мѣрѣ съ книгами, въ тихой пріятной горницѣ—и я иногда весель, весель, какъ царь. Недавно читалъ Державина: „Описание Потемкинскаго праздника“. Тишина, безмолвіе ночи, сильное устремленіе мыслей, пораженное воображеніе, все это произвело чудесное дѣйствіе. Я вдругъ увидѣлъ передъ собой людей, толпу людей, свѣчки, апельсины, брильянты.... Царицу.... Потемкина, рыбъ, и Богъ знаетъ чего не увидѣлъ, такъ былъ пораженъ мною прочитаннымъ. Виѣ себя побѣждалъ къ сестрѣ.... Что съ тобой?... О но! они!... Перекрестись, голубчикъ!... Тутъ-то я насилу опомнился. Но это описаніе сильно врѣзалось въ мою память. Какіе стихи, прочитай, прочитай, Бога-ради, со вниманіемъ: Ничѣмъ никогда я такъ пораженъ не былъ!

Я надѣюсь, что ты менѣе и не прочиталъ моего послѣдняго письма Аннѣ Петровнѣ. Но если ты совершенно, по симпатіи со мной, потерялъ разсудокъ? Хорошо что ей, а не другому, ибо

Molti consigli delle donne sono
Meglio improvviso ch' a pensarvi usciti;
Che questo è speciale e proprio dono
Fra tanti e tanti lor dal ciel legati.

Ariosto.

Если не поймешь, хотя не трудно понять твоей высокопарной латыни, то бѣды нѣтъ. Я писалъ къ Капнисту—нѣтъ отвѣта; писалъ къ Алексію Николаевичу—нѣтъ отвѣта; нынѣ писалъ къ Ниловымъ, сердце говоритъ будетъ отвѣтъ. Крыловъ родился чудакомъ. Но этотъ человѣкъ загадка, и великая!... Играть, и непроигрываться. Скупость умѣть соединить съ дарованіями и рѣдкими, ибо еслибъ

*) Сбитеньщикъ—опера Княжнина (Спб. 1790).

онъ болѣе трудился, болѣе занимался... но я боюсь разсуждать, чтобъ опять не завратъся. — Гоняются ли за тобой утренніе пшеля? Мнѣ пришла чудная мысль. Еслибъ, когда я у тебя жилъ, по утру пришелъ юноша къ Милому Генію и тебя-бы не было на ту пору дома, то я такъ бы отбрилъ голубчика.... Не вы ли тотъ великій духъ, который сочинилъ эпитафію на смерть статскаго совѣтника? — Я отвѣчаю: *Я*... Позвольте мнѣ, пораженному явными чертами Генія, простираться, если возможно, до вашей занимательности... Я отвѣчаю все за тебя, какъ Скотининъ на переключкѣ: *Я!* — Вотъ м. г. моя трагедія.... Кто болѣе вашего, кто справедливѣе васъ оцѣнитъ слабий, мерцающій лучъ неопытнаго Генія?... *Я!*... Тутъ онъ мнѣ начнетъ читать; читаетъ, а я зѣваю. Наконецъ, есть всему конецъ, и трагедіямъ также, ты входишь... и я указываю на переводчика Гомера и Танкреда...

Вотъ канва, по которой вышить можно что хочешь. Я не знаю, какъ у тебя достаеъ терпѣнія слушать этотъ весь вздоръ? Но не слушать, наживешь враговъ такихъ, которые тебя свѣчой станутъ жечь... Кстати спрошу тебя: что Шаховской написалъ хорошаго? Вотъ еще чудака не изъ послѣднихъ. Какъ онъ меня выхвалялъ въ глаза! Тамъ что стыдно было за него. Какъ онъ меня, я чай, бранить за глаза! Такъ что стыдно за него. Честь Кодру-Жихареву. Не стыдно дѣлаться Панаромъ-Водевилицыкомъ? Въ его лѣта, дворинину, съ состояніемъ? Онъ точно съ дарованіями — это меня бѣситъ. Измайловъ плететь, а не писать. Безъ смака вовсе. Однакожь его проза вообще хороша и чиста. Что Беницкій? Продлите ему боги вѣку! но онъ уже успѣлъ написать много хорошаго....

Пусть мигомъ догоритъ
Его блестящая лампада;

Въ послѣдній часъ его безсмертье озарить:
Безсмертье — пылкихъ душъ надежда и награда!

Я еще могу писать стихи! пишу кое-какъ. Но къ чести своей могу сказать, что пишу не иначе, какъ когда ядъ пса метроманіи подѣйствуетъ, а не во всякое время. Я болѣнъ этой болѣзнію, какъ Филотетъ раною, т. е. временемъ. Чтò у васъ новаго въ Питерѣ? Что дѣлаеъ Полозовъ? Онъ не пишетъ ни слова. Чтò Катенинъ нанизываетъ на конецъ строкъ? Я въ его лѣта низалъ не рвѣми, а что-то по-красивѣе, а нынѣ... пятьдесятъ мнѣ било... а нынѣ... а нынѣ...

А нынѣ мнѣ Эроть сказалъ:
Вѣдняга, много ты писалъ
Безъ устали перомъ гусинимъ.
Смотри, завало какъ оно!

Не долго притупить одно! —
Вотъ нѣ, пиши теперь куриннымъ.

Пишу, да не пишеть, а все гнется.

Красавица я пѣвалъ довольно
И такъ и сякъ, на всякій лады,
Да нынѣ что-то не въ попадь.
Хочу запѣть — ахъ, пѣть ужъ больно.
<Что ты голубчикъ такъ охрипъ?>
Къ гортани мой языкъ прилипъ.

Вотъ мой отвѣтъ. Можно ли такъ состарѣться въ 22 года! Непозволительно!

Какъ тебѣ понравилось Видѣнне?*) Можешь сжечь, если негодится. Этакіе стихи слишкомъ легко писать и чести большой не приносятъ. Инымъ больно досталось. Бобровъ вѣрно тебя разсмѣшитъ. Онъ тутъ у мѣста. Славенофила**) вычеркни, да и все, какъ говорю, можешь предать огню и мечу.

Къ кому здѣсь прибѣгнуть музѣ? Я съ тѣхъ поръ, какъ съ тобою разстался, никому даже и полустигія, не только своего, но и чужого не прочитаю. Съ какими людьми живу?...

Deux nobles campagnards grands lecteurs des romans
Qui m'ont dit tout Cygus dans leurs longs compliments....

Вотъ мои сосѣди.... Прошу веселиться!

Нѣтъ, невозможно читать русской исторіи хладнокровно, т. е. съ разсужденіемъ. Я сто разъ принимался; все напрасно. Она дѣлается интересною только со временъ Петра Великаго. Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые рожются въ этой пыли. Читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ, и разумъ находитъ пищу. Читай исторію среднихъ вѣковъ: читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцевъ, читай набѣги половцевъ, татаръ, литвы и проч., и если книга не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій, или мелкій человѣкъ. Нѣтъ середины. Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу, мелкій, ибо занимаешься пустяками. Жанъ-Жакъ говорить...
...car ne vous laissez pas éblouir par ceux qui disent, que l'histoire la plus intéressante pour chacun est celle de son pays. Cela n'est pas vrai. Il y a des pays dont l'histoire ne peut pas même être lue, à moins qu'on ne soit imbécile ou négociateur... Какая истина! — Да Писареву***) до этого дѣла нѣтъ. Онъ пишетъ себѣ, что такой-то царь, такой-то князь игралъ на скомонѣхъ, былъ лицомъ бѣлымъ, сѣкъ рынду бато-

*) Извѣстное сатирическое стихотвореніе Батюшкова: «Видѣнне на берегахъ Леты».

**) А. С. Шишковъ.

***) Издатель «Калужскихъ Вечеровъ» Александръ Александровичъ.

гами и проч.! Есть-ли тутъ малѣйшее дарованіе?... Не трудъ ли это достойный Тредьяковскаго... и академіи наградою!... Притомъ отъ одного слова русское, некстати употребленнаго, у меня сердце не на мѣстѣ... Скажу тебѣ еще, что я читалъ отъ великаго досуга и метафизикѣ. Многое не понялъ, а что понялъ, тѣмъ недоволенъ. Напримѣръ, сочинитель „Системы Природы“ похожъ на живописца, который всѣ краски смѣшалъ въ одно и послѣ кажется говорить: отличи, коль можешь, бѣлое отъ чернаго, красное отъ синяго? Наука тщетная и пустая! Это Дедаловъ лабиринтъ, въ которомъ быть надобно, но не иначе какъ съ нитью, т. е. съ разсудкомъ. Жаль, что эта нить тонка и гнила. Сей же самый сочинитель въ концѣ книги, разрушивъ все, смѣшавъ все, призываетъ природу и дѣлаетъ ее всему началомъ. Итакъ, любезный другъ, невозможно никому отвергнуть и не познать какое-либо начало; назови его какъ хочешь, все одно; но оно существуетъ, то-есть существуетъ Богъ. А отъ сего все заключить можно. Я знаю твои мысли, ты знаешь мои, и потому мимоходомъ это тебѣ сказалъ.

Не знаю, читаешь ли ты Анахарсиса? Божественная книга. Не выпускай ее изъ рукъ, ибо она не только быть можетъ путеводителемъ къ храму древности или изящнаго, но исполнена здравой философіи....

У меня мало книгъ, потому-то я одну и ту же перечитываю много разъ, потому-то какъ скупой или любовникъ говорю объ нихъ съ удовольствіемъ, зная, что тебѣ этимъ наскучить не можно.

Писаревъ еще написалъ что-то. Именно: правила для актеровъ*). Я изъ рецензіи вижу, что это вздоръ, даже въ эниграфѣ ошибка противъ языка, непростительная члену академіи**). Меня убиваетъ самолюбіе этихъ людей. Еслибъ они хотя языкомъ занимались, еслибъ ходя умѣли цѣнить дарованія чужія... Но что я говорю? На это надобенъ умъ, а у нихъ этого-то и недостаетъ.

Еще два слова: любить отечество должно. Кто не любитъ его, тотъ извергъ. Но можно ли любить невѣжество? Можно ли любить нравы, обычаи, отъ которыхъ мы отдалены вѣками, и, что еще болѣе, цѣлымъ вѣкомъ просвѣщенія? Зачѣмъ же эти усердные марателы выхваляютъ все старое? Я умѣю разрѣшить эту задачу, знаю, что и ты умѣешь, и такъ, ни слова. Но повѣрь мнѣ, что эти патриоты, жаркіе декламаторы не любятъ, или не умѣютъ любить русской земли. Имѣю право сказать это и всякій пусть скажетъ, кто

*) Общія правила театра, выбранныя изъ Вольтера. Спб. 1809.

**) Вѣроятно эта: ...«всѣ стремятся къ совершенству, но не имѣя способностей, тщетно сиятся онаго постигнуть».

добровольно хотѣлъ принести жизнь на жертву отечеству... Да дѣло не о томъ: Глинка называетъ Вѣстникъ свой „Русскимъ“*), какъ будто пишеть въ Китаѣ, для миссіонеровъ или пекинскаго архимандрита. Другіе, а ихъ тысячи, жужжать, нашептываютъ: русское, русское, русское... а я потерялъ вовсе терпѣніе!

Я посмѣялся твоему толкованію любви. Боюсь, чтобы ты не учредилъ судъ любви, который существовалъ въ Провансѣ, въ концѣ одиннадцатаго столѣтія. Тамъ эти полезныя задачи разрѣшали всѣчески и все по-латыни. Красавицы слушали съ удовольствіемъ ученихъ трубадуровъ, которые такъ хитро умѣли угадывать тайны стигбы ихъ сердецъ. Но насъ никто слушать не будетъ, такъ останемся всякій въ своемъ расколѣ. Притомъ же всякій любить какъ умѣеть, ибо страсть любви есть Протей. Она принимаетъ разные виды, соображаясь съ сердцемъ любовника. Любовь есть.... но:

je me sauve à la page, et j'aborde où je puis.

Прощай, до свиданія. Конст. Бат.

‘XVIII.

(1809 г. ноябрь).

...Охъ ты, голова моя ипохондрихіухихическая, не писала-бы ты лучше писемъ въ своихъ припадкахъ. Мнѣ и безъ нихъ тошно; пощади меня.

Голова ты, голова! Сказать Оленину, что я сочинилъ Видѣніе. Какія имѣлъ ты на это права? Ниже отцу родному не долженствовало объ этомъ говорить. Онъ же извинителенъ, ибо не зналъ и впрямъ, хочу ли я быть извѣстенъ. Но ты? но ты? стыдно, очень стыдно. По дѣломъ тебя совѣсть мучить. Я вѣтренъ, но этого никакъ бы не сказалъ, никому.

Но я тебѣ прощаю отъ души; прости и мнѣ нѣкія глупости — впередъ или назадъ.

Прилагаю у сего оконченное Видѣніе. Произведеніе довольно оригинальное, ибо ни на что не похоже. Теперь, ибо имя мое извѣстно, хоть въ печать отдавай. Я прибавилъ: 1-е, изъ Москвы Шаликовщину; 2-е, русскихъ повивальныхъ Сафъ, которыя пути не знаютъ къ морю. Въ какомъ расположеніи духа ни будь, а ихъ паденіе тебя насмѣшить. Ода Лебренова хороша. Прочитай ее снова вопреки твоей головѣ, которая никуда негодится, ниже въ Испанскую башню, составленную изъ возыхъ головъ. Смотри „Всемирный путешественникъ“.

*) «Русскій Вѣстникъ» издавался тогда Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою.

Карамзина топить не смѣю, ибо его почитаю. Впрочемъ, я бы могъ написать все гораздо злѣе въ родѣ Шаховскаго. Но убоился, ибо тогда не было бы смѣшно. Кажется все исправилъ. Тройня же рѣшима нужны. Французы пишутъ все четырехъ-стопные стихи такими приемами. Rimes redoublées.

Я не хотѣлъ путешествовать въ мечтахъ, но хотѣлъ быть при миссиі на мѣстѣ. Хотѣлъ, лучше сказать, врать. Я знаю, что ты ничѣмъ этому пособить не можешь, да и очень трудно. Слѣдственно про одни дрожжи не говорятъ трожды.

Пришли тотчасъ „Видѣніе“, да за мои полныя письма пришли хотя одно нетощее въ Вологду, я туда ѣду. Не стыдно ли тебѣ не прислать „Цвѣтника“, за труды мои, за стихи Семеновой? Пришли его... Каковъ Глинка? Каковъ Крыловъ? Это живые портреты, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется... Егоровъ ходитъ съ усами... Какъ вы, друзья,.... ствили Заиру?... Висковатаго за виски... Каковъ бы былъ Штаневичъ въ „Видѣніи?“ Гадокъ, не правда ли? Захарова... да не обидь всѣхъ... Шаховскаго, голубчика, съ причетомъ, съ адъютантами, янычарами, съ сералью и съ евнухами.... да боюсь его, правду тебѣ сказать... Скажи мнѣ, не читалъ ли Шишковъ, сидящій въ дѣдовскомъ возкѣ... что бранять меня... кто и какъ, отпиши чистосердечно... Замѣть, кто всѣхъ глупѣе, тотъ болѣе и прогнѣвается. Къ Оленину я послалъ экземпляръ. Поцѣлуй ручку у Анны Петровны. Я ее люблю и почитаю, и еслибъ не лѣнь, давно бы прислалъ стихи мои... Какъ ея дѣла?...

Перестанутъ ли школьники топить Гермогена?... Перестанетъ ли Писаревъ играть на скомонѣхъ. Ты мнѣ твердишь объ Тассѣ или Тазѣ, какъ будто я сотворенъ по образу и подобію Божьему затѣмъ, чтобъ переводить Тасса. Какая слава, какая польза отъ этого? Никакой. Только время потерянное, золотое время для сна и лѣни. Впрочемъ, первая пѣснь готова. Рѣшмъ я не знаю на моря, и скоро, подобно Боброву, стану писать бѣлыми стихами, умру и стихи со мной.

Не нужны надписи для камня моего,
Скажите просто здѣсь: онъ былъ и вѣтъ его!

Вотъ моя эпиграфія.

XIX.

(Декабрь 1809?)

Я вижу, любезный другъ, что съ тобою нужна логика, и діалектика, самая тонкая, и для того боюсь, чтобъ ты не прицѣпился снова къ моимъ словамъ. Ты мнѣ {упрекаешь лѣнностью? Ты, который лежишь отъ утра до ночи, или дѣлаешь одно только, что тебѣ пріятно, ты, которому желудокъ дороже и самой славы, ты, который пишешь

въ другу своему одни отвѣты лаконическіе, на длинныя его письма, однимъ словомъ ты.... ГИЪДИЧЪ! — Между тѣмъ, какъ я, несчастный (ни слова не кочу прибавить), между тѣмъ, какъ я сижу одинъ въ четырехъ стѣнахъ, въ самомъ скучномъ уединеніи, въ такой тишинѣ, что каждое бѣіеніе маятника карманныхъ часовъ повторяется ясно и звучно въ моемъ ушпаніи, между тѣмъ, какъ и надежды не имѣю отсюда выхъзть! Нѣтъ, лучше пожелаю мнѣ той твердости духа, которой я часто не имѣю, будучи (вина боговъ!) чувствителенъ къ огорченіямъ, а радостей, кланусь тебѣ небожь, давно не знаю. Вотъ мое положеніе: я люблю тебя, а кого люблю, того не огорчаю дальнимъ и бесплоднымъ разговоромъ, да и въ чему тебѣ плавать? — У тебя и безъ того болятъ глаза, и на мои длинныя рѣсницы часто, очень часто, наворачиваются слезы, которыя никто, кромѣ Бога, не видитъ.

Что мнѣ дѣлать? — Что начать? Я хочу отписать снова къ Оленину, онъ мнѣ пусть откажетъ; его отказъ легче снести, нежели другаго, оттого, что я его люблю, оттого, что ему многимъ, очень многимъ, одолженъ! — И еще разъ, и въ послѣдній, буду проситься въ чужіе края. На это у меня сто причинъ, а у васъ въ Питерѣ служить ненамѣренъ. И на это есть миллионъ причинъ сильныхъ, важныхъ.

Повѣришь-ли? Я здѣсь живу 4 мѣсяца, и въ эти четыре мѣсяца почти нигуда не выхъзжалъ — отчего? — Я вздумалъ, что мнѣ надобно писать въ провъ, если я хочу быть полезенъ по службѣ, и давай писать — и написалъ груды, и еще бы писалъ... несчастный! И я могъ думать, что у насъ дарованіе, безъ интригъ, безъ ползанья, безъ какой-то расцетливости, можетъ быть полезно! И я могъ еще дѣлать на воздухѣ замки и ловить дымъ! Нынѣ бросивъ все, я читаю Монтая, который иныхъ учитъ жить, а другихъ ждать смерти. А ты мнѣ совѣтуешь переводить Тасса, въ этомъ состояніи?? Я не знаю, но и этотъ Тассъ меня огорчаетъ. Послушаемъ Лагарпа, въ похвальномъ его словѣ Колардо. *Son âme (l'âme de Colardau) semblait se ranimer un moment pour la gloire et la reconnaissance, mais ce dernier rayon allait bientôt s'éteindre dans la tombe. Il avait traduit quelques chants du Tasse. Y avait-il une fatalité attachée à ce nom? Я знаю цѣну твоимъ похваламъ, и знаю то, что дружба не можетъ тебя ослѣпить до того, чтобъ хвалить дурное. Но знаю и то, что мой Тазъ или Тассъ не такъ хорошъ, какъ думаешь. Но если онъ и хорошъ, то какая мнѣ отъ него польза, лучше-ли пойдутъ мои дѣла (о которыхъ мнѣ не только говорить, но и слышать гадко), болѣе или менѣе, а буду счастливъ? — Или мы живемъ въ вѣкѣ Людовика, въ которомъ*

для славы можно было претерпѣть несчастіе, можно было страдать и забывать свое страданіе?

Къ несчастію, я не вралъ и не Геній, и для того прошу тебя оставить моего Тасса въ покоѣ, котораго я вѣрно бы съелъ, еслибъ зналъ, что у меня одного онъ находится. Впрочемъ, я радъ, что тебѣ понравились мои стихи въ Вѣстникѣ, они давно были написаны. Это очень видно*).

Сказать-ли тебѣ анекдотъ? Ник. Наз. Муравьевъ, человѣкъ очень честный и про котораго я вѣрно не скажу ничего худого, ибо онъ этого не стоитъ, наконецъ, Н. Наз., негодуя на меня за то, что я не хотѣлъ ничего писать въ канцеляріи (мнѣ было 17 лѣтъ) сказалъ это покойному М. Ник.**), а чтобъ подтвердить на дѣлѣ слова свои, и доказать, что я лѣнивонецъ, принесъ ему мое посланіе къ тебѣ, у котораго были въ заглавіи стихи изъ Парни, всѣмъ извѣстны:

Le ciel qui voulait mon bonheur
 Avait mis au fond de mon coeur
 La paresse et l'insouciance — и проч.

Что сдѣлалъ М. Н.? засмѣялся и оставилъ стихи у себя. Quid rides? Fabula de te narratur! — вотъ и твоя исторія. И впрямь, что значить моя лѣнь? Лѣнь человѣка, который цѣлыя ночи просиживаетъ за книгами, пишетъ, читаетъ или разсуждаетъ! — Нѣтъ, — говорилъ Мирабо, а Мирабо зналъ, что говорилъ, — еслибъ я строилъ мельницы, пивоварни, продавалъ, обманывалъ и исповѣдывалъ, то вѣрно-бъ прослылъ честнымъ и притомъ — дѣятельнымъ человѣкомъ. Не думай, чтобъ я Мирабо слова взялъ за правило, я его читалъ назадъ тому два года и привожу изъ памяти. Впрочемъ, у меня повокъ довольно теплы, для общества есть три собаки, аппетитъ изрядный, и на мѣсто термометра серебряный рубль, который остался отъ Шведскаго похода; съ этимъ не умрешь съ голоду, а если сойдешь съ ума, то это бездѣлка! Ахъ обстоятельства, обстоятельства — вы дѣлаете великихъ людей!

Но я не хочу походить на старую даму, а ты не докторъ, слѣдственно и полно говорить о себѣ. Львова вышла замужъ за Львова. — Я этого все не понимаю! Леонидъ ко мнѣ пишетъ очень забавно, а объ этомъ ни слова. Да помилуй у Ф. П. 10 человѣкъ дѣтей! — Чудеса! — Мое письмо очень скучно, затѣмъ-то я прилагаю у сего письмо кн. Вяземскаго, которое тебя вѣрно насмѣшитъ. Но пришли его обратно, ибо оно мнѣ нужно. О Жуковскомъ ничего не

*) Вѣроятно «Воспоминанія 1807 г.», напечатаны въ 21 кн. «Вѣстникѣ Европы» 1809 г.

**) Мих. Никитичу Муравьеву, у котораго служилъ Ватюшковъ.

знаю. Я съ нимъ жилъ три недѣли у Карамзина *), и на другой или третій день уѣхалъ въ деревню. Онь въ Бѣлевѣ, вѣрно боленъ, или ишеть. Пришли что нибудь въ Вѣстникъ, а къ нему писать буду. Да еще тебѣ упрекъ. Миръ праху Бенницаго! — былъ уменъ, да умеръ! — а тебѣ не стыдно-ли не написать ни строчки въ его похвалу, не стихами, а прозою.

Зачѣмъ не извѣстить людей, что жилъ нѣкто Бенниціи и написать „на другой день“? — Зачѣмъ не помѣстить это біографическое извѣстіе не въ журналъ фабриканта Измайлова, а въ „Вѣстникъ“? Пробудись, Врутъ! — Что такое намаралъ еще Шихматовъ! — Я читалъ Каченовскаго рецензію въ журналѣ, а его поэмн не видалъ, да и видѣть не хочу. Попроси Измайлова, чтобъ онъ мнѣ прислалъ „Цвѣтникъ“, а его не получалъ съ апрѣля или мая, а онъ хорошъ для деревни. Пришли, сжался, какихъ нибудь книгъ и еще бумаги почтовой, руб. на пять, писать не на чемъ. Прощай.

Что я за писатель писемъ! — И что писать къ Баранову, и какаѣ тутъ политика? Охъ вы люди! — Или у меня ни ума, ни разсудка нѣтъ! — а вы перемудрили ученые! — Чѣмъ ты занятъ? Переводишь ли Гомера? А я его нынѣ перечитываю и завидую тебѣ, завидую тому, что у тебя есть вѣчная пища! — Бога-ради ищи побольше объ Иванѣ Мат., что онъ дѣлаеть? — и какъ? Я этого человѣка люблю, потому что онъ, кажется, меня любить. — Вземскаго письмо очень забавно. Неправда-ли? Поклонись Полозову, и скажи ему отъ меня: Богъ съ вами! — Поклонись Самариной, а душой свѣтлѣю, когда ее вспоминаю. А Ниловы неблагодарные. Не видишь ли Петина? Вотъ добрый другъ.

XIX.

Рождество (25 декабря. 1809).

Я получилъ твою хартію, рѣчь, писанную стилусомъ на египетскомъ папирусѣ — получилъ, прочиталъ и — и, сперва пожалъ плечами, а потомъ сказалъ: простительно ему обманываться — онъ меня любить и желаетъ добра!

Я былъ очень боленъ лихорадкою, самую злою, да и теперь весьма слабъ и пишу насилу. — Что отвѣчать мнѣ на твои приглашенія? Ахъ любезный другъ! Я писалъ къ Оленину — нѣтъ отвѣта. Зачѣмъ же я поѣду въ Петербургъ, и на кого могу надѣяться, и кого буду просить! — Я? — Просить!!! — И какое мнѣ дадутъ мѣсто, для меня способное, послѣ того, которое я, баловень, занималъ у незабвеннаго, для меня, Михаила Никитича? Всѣ твои надежды меня радовали,

*) Вѣроятно гѣтомъ 1809 г.

знаешь ли почему, потому что онъ мнѣ доказывали твою дружбу, которая меня единственно утѣшаетъ. Дай руку, любезный другъ, дай руку, я ее прижму посильнѣе, и ты, можетъ быть, почувствуешь всю мою благодарность, и ты, можетъ быть, скажешь или сердце твое скажетъ: онъ стоитъ меня! — Ты мнѣ нишешь о томъ, о другомъ и о третьемъ, но я въ этомъ случаѣ опытнѣ тебя; я знаю людей, знаю, что они не всегда готовы на услугу; этого мало: я не могу просить всякаго безъ разбора, первое потому, что не всѣхъ уважаю, а второе потому, что лѣнивъ духомъ.

Однимъ словомъ, я бросилъ намѣреніе ѣхать на службу, на долго-ли, не знаю? — Но теперь довольно покоенъ, ибо не желаю ничего съ большимъ аппетитомъ: ѣду въ Вологду на недѣлю, стану принимать хину, и если вылѣчусь, то отправлюсь въ Москву, а по веснѣ на кавказскія воды, ибо путешествіе сдѣлалось потребностію души моею.

Ты мнѣ забавенъ съ твоими предрасудками! И напрасно сердешься на кн. Вяз., который меня истинно любитъ, а много-ли такихъ людей! — Кромѣ его ума (а онъ очень уменъ), онъ весьма добрый малый. Не знаю какъ узналъ, что я не ѣду, потому что ожидаю оброку съ деревень, и что-же? предложилъ свой кошелекъ, но съ такимъ добродушіемъ, что письмо его меня тронуло. Деньги его мнѣ ненадобны: я отказалъ ихъ, но я ему не менѣе за то обязанъ. Это не бездѣлка, такой поступокъ! Согласись самъ, ибо ты довольно знаешь свѣтъ и жителей земноводнаго шара!

Признаюсь, что я пожалъ плечами, прочитавъ твое приглашеніе и причины, на которыя ты опираешься: что въ Москвѣ я буду писать хуже. Я гривны не дамъ за то, чтобъ быть славнымъ писателемъ, ниже Расиномъ, а хочу быть счастливымъ. Это желаніе внушила мнѣ природа въ пеленахъ. Притомъ же, мирты тѣнь и льдины *) написаны мною на Петергофской дорогѣ, назадъ тому лѣтъ семь. Я знаю, что это дурно, это то, что итальянцы называютъ *freddura*. — Кстати, пришли мнѣ замѣчанія на „Мечту“, хотъ на доскутѣ, иначе я на тебя буду сердить!

Я смѣялся увѣщаніямъ, не читать Мирабо, д'Аламберта и Дидерота. Это, и впрямъ, отъ Гнѣдича — забавно! Давно-ли ты сталъ

*) Это относится къ «Мечтѣ», стихотворенію Батюшкова, напечат. вскорѣ въ Вѣстникѣ Европы 1810 г. № 4. Первоначально оно было напечатано въ Любителѣ Словесности 1806 г. Указываемое мѣсто стихотворенія читается:

«О сладостна мечта, ты красишь зимній день

И между свѣтлыхъ льдинъ являешь миртовъ тѣнь.

калупиною? Гомеръ, конечно, Гомеръ, но его читать нельзя безъ скуки во всю свою жизнь, ибо поэзія не есть ремесло. Притомъ же:

Le véritable esprit sait se plier à tout,
On ne vit qu' à demi quand on n'a qu'un seul goût.

У тебя умъ великъ, а разумокъ малъ. Мнѣ переводить Расина Положимъ и такъ. Но переводить Эсѳиръ — дѣло вовсе невозможное; первое потому, что ее никогда не представляютъ; второе потому, что она на сценѣ должна быть холодна, какъ ледь, а есть дѣло совершенно безплодное; третье потому, что, принявшись за нее, я буду долженъ цѣлый годъ заниматься однимъ дѣломъ, ибо я съ малолѣтства воспитанъ въ страхѣ Расина. У меня есть славная эдиція „Эсѳиръ“ съ замѣчаніями Boisjergmain, но обстоятельствами, болѣзнію и наконецъ, всѣмъ и всѣми я такъ обезкураженъ, что за это дѣло никакъ не примусь.

Я надѣюсь, что ты сдѣлаешься членомъ Ликей, это тебѣ очень не трудно, а потомство скажетъ: былъ нѣкій и были нѣкіи! — О это весьма утѣшно! — Но такъ какъ ни одна дама не поѣдетъ слушать Захарова, Писарева, Шихматова и съ компаніей, то я совѣтую, затѣмъ, чтобъ не уронить своей славы обществу, нѣкоторымъ членамъ переодѣваться въ женскія платья, напр. Крыловъ — въ видѣ Сафы, Карабановъ — подъ покрываломъ Коррины, Хвостовъ — въ видѣ Венеры Анадіомены или Филометы, весь нагой, на ученыхъ скамьяхъ моглибъ произвести большой эффектъ, и я скажу: вотъ Греція!

XX.

Вологда (декабрь 1809).

Я пишу тебѣ изъ Вологды, откуда, если судьбы непреклонныя, неумолимыя, препятствовать будутъ, долго не выѣду. Если же на-противъ.... то адресуй письма свои въ Москву. Ты ѣдешь въ Москву, ибо ѣдешь въ Малороссію, но ты ѣдешь въ Малороссію, такъ какъ ѣдешь въ Москву, т. е. никогда, да и что тамъ дѣлать, тебѣ нелю-димому? Меня же Катерина Федоровна зоветъ къ себѣ столь убѣди-тельно.... (Не знаю, мой другъ, любить ли кто меня, какъ она? можетъ быть въ привязанности другихъ кроется интересъ, но въ ея друже-ствѣ, ничего, кромѣ той привязанности, каковую мы чувствуемъ къ человѣку нами обязанному). Будь это сказано мимоходомъ. — Итакъ, если въ теченіе двухъ недѣль не получишь писемъ отъ меня, то адресуй въ Москву на имя К. О. Муравьевой; Батюшкову въ Ар-батской части, на Никитинской улицѣ, въ приходѣ Георгія на Вспольѣ, № 237.

Спасибо за „Видѣніе,“ я душевно радъ, что оно тебѣ понрави-

лось. Пришли его назадъ, ибо, по чести, у меня на черно, ниже строчки нѣтъ. Я сжегъ нарочно, чтобъ послѣ прочитать на свѣжій умъ и, переправить. Пришли не замедля. — Не стыдно ли, что „Иліады“ экземпляръ не прислалъ мнѣ. Твое же посланіе недостойно тебя; посылаю его тебѣ съ замѣчаніями. Растянуто, и дурно написано. Меньше славянизма и плавнѣе, ибо это сочиненіе, а не переводъ. Мысль же, что Екатерина смотритъ на внуку, неподобно и можетъ быть прекрасно выражена. Это ново и благородно. — Ты хочешь, чтобъ я бранилъ Шаховскаго? Не много-ли это? — Или ты хочешь имѣть другомъ Фрерона или Палиссота? — Впрочемъ, я буду писать Дунціаду, гдѣ всѣхъ помѣщу на мѣстѣ.... Миръ праху твоему, Беницкій! Мы съ нимъ увидимся въ царствѣ неизвѣстности, гдѣ ни дурныхъ стихотворцевъ, ни дураковъ, ни злодѣевъ.... Ниловы! они въ Питерѣ! — а я писалъ къ нимъ въ Тамбовѣ! Ниловы! Ниловы! Нилова — которая — которую — ее опасно видѣть!

Не накидывай на себя дурь, мой другъ, не говори, что люди съ ума сошли. Ты не Жанъ-Жакъ, ты не потребуешь себѣ велегласно статуи, нѣтъ. Но анекдоты тобою описаны, что можно ихъ назвать образцомъ огорченнаго стиля. Я и сержусь и смѣюсь. Ты-же...

Это письмо начато давно, всѣ дни проводилъ въ хлопотахъ....

ВАСИЛІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ СУХОРУКОВЪ.

Донской писатель.

Не только каждая національность, а каждая страна, каждый заволовъ имѣютъ свои симпатіи и антипатіи; у cadaго изъ нихъ есть свои герои, свои мученики, свои предатели. Имена такихъ лицъ долго живутъ среди народа, — и счастливо то населеніе, которое не переживаетъ памяти объ этихъ людяхъ. Къ числу своихъ героев-мучениковъ донской народъ до сихъ поръ причисляетъ Василія Дмитріевича Сухорукова, память о которомъ сохранилась на всемъ протяженіи Донской Области: имя его до сихъ поръ съ благоговѣніемъ произносятъ въ донскихъ палатахъ и хижинахъ. Эта личность, обязанная своею извѣстностью единственно своему свѣтлому уму, прекрасному образованію и постоянному труду, испытала много горя, въ которомъ и сошла въ могилу. Поставленный въ необходимость разойтись во взглядахъ съ кн. Чернышовымъ, сильнымъ человекомъ того времени, Сухоруковъ палъ навсегда, отягченный же-